

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 20 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 10

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
3 МАРТА

Рис. Ре-ми.

Н Е Б Ы В А Л О Е .

Бюрократъ: — Я думаю, вы пройдете черезъ эти двери безъ колебаній.
Бюджетъ: — Конечно, вѣдь я теперь трезвый.

СЪВЕРНЫЕ ЛЮДИ.

Фельетокъ Н. А. Тэффи.

Весь Петроградъ принялся за изученіе англійскаго языка. Учатся дѣти, дамы, купцы, чиновники и личности безъ опредѣленнаго положенія,—вѣроятно, именно для того, чтобы положеніе опредѣлилось.

Англійскій языкъ оказался всѣмъ нуженъ: для дипломатическихъ и торговыхъ сношеній, для изученія литературы и быта союзной націи и, наконецъ, просто для того, чтобы Анна Петровна не слишкомъ много «воображала».

Съ французскимъ языкомъ у насъ дѣло обстоитъ проще. Онъ какъ-то постигается самъ собою и настолько вошелъ въ русскую душу, что даже на банкетахъ ораторы, подгоняя рѣчь подъ финальныя рукоплесканія, восклицаютъ:

«... Такъ скажемъ же уважаемому коллегѣ наше широкое русское мерси!».

На случай путешествія объясниться съ французомъ или итальянцемъ даже для человѣка, кромѣ «мерси» ничего не знающаго, особаго затрудненія не представляетъ.

Французы — народъ очень смекалистый, не говоря уже объ итальянцахъ. Итальянецъ при помощи одного какого-нибудь съ различной интонаціей повторяемаго возгласа, рукъ, глазъ и бровей объяснить вамъ не только себя, но и васъ самого, да такъ, что вы иной разъ и не обрадуетесь.

* * *

Съверяне — дѣло другое.

Съверный народъ, — шведы, норвежцы, датчане, англичане,—требуютъ, чтобы съ нами разговаривали непременно на ихъ языкъ, да не кое-какъ, а съ акцентомъ и особенностями именно той провинціи, гдѣ вы находитесь.

Мнѣ рассказывали объ одномъ несчастномъ русскомъ туристѣ, который, не зная датскаго языка, спрашивалъ у портъе въ Даніи, когда отходить пароходъ въ Англію.

Онъ показывалъ на часы, гудѣлъ, шипѣлъ, крутилъ одной рукой сзади, будто винтъ, выпускалъ паръ, причаливалъ, чуть не затонулъ, достигъ невѣроятной силы изобразительности, — портъе стоялъ молча, опустивъ глаза, и не понималъ ровно ничего. Окружающіе, — дѣло происходило въ вестибюлѣ большого отеля, — холодно, молча и неодобрительно слѣдили за движеніями несчастнаго страдалца и ничего не понимали.

Онъ, — повторяю, — достигъ такой необычайной силы изобразительности, что, доведись войти въ эту минуту наивному русскому человѣку, онъ непременно удивился бы и спросилъ:

— Это чего же у нихъ по передней пароходъ ходитъ?

А тѣ такъ и не поняли.

И что они думали, глядя на этого почтеннаго лысаго человѣка, съ окладистой бородой, плотной фигурой и озабоченнымъ лицомъ, который винтилъ сзади руки винтомъ и гудѣлъ трубой? Если думали, что сумасшедшій, почему же не приняли мѣръ, чтобы успокоить его? Или рѣшили, что просто дуракъ веселится, и только удивлялись: чего, молъ, тутъ занятнаго? Солидный человѣкъ, а такой весельчакъ.

* * *

Другой туристъ рассказывалъ, какъ онъ въ Швеціи просилъ у горничной свѣчку. Выучивъ сначала фразу по-шведски:

— Будьте любезны дать мнѣ одну свѣчку!

Взялъ пустой подсвѣчникъ и вышелъ въ коридоръ, гдѣ, скромно опустивъ глаза, стояла горничная.

— Будьте любезны дать мнѣ свѣчу! — съ веселой и бодрой улыбкой обратился туристъ къ горничной и для убѣдительности потыкалъ пальцемъ въ пустой подсвѣчникъ.

Горничная подняла глаза, но ни одна фибра ея лица не дрогнула.

Онъ повторилъ фразу четыре раза, все время тыча пальцемъ въ подсвѣчникъ.

Наконецъ, какая-то фибра у нея дрогнула, она распялила ротъ и сказала:

— Яга-а!

И интонація, и мимика были утвердительныя, но горничная не сдвинулась.

Туристъ повторилъ свою фразу, справился въ лексиконѣ, не перевралъ ли, — нѣтъ, все благополучно.

Задолбилъ опять. Показывалъ, какъ надо вставлять свѣчу, какъ зажечь, какъ все озарится свѣтомъ, какъ можно обжечься, сосалъ обожженный палецъ, дулъ на огонь и послѣ этого изображалъ жестаами тьму, — словомъ, это была цѣлая поэма. А она только повторяла: «Яга-а!», спокойно, тупо и утвердительно. «Яга-а», и баста.

— Что она обо мнѣ думаетъ? — мучился разъяренный туристъ. — Можетъ быть, она рѣшила, что я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ подсвѣчникъ и хвастаюсь передъ ней, что понялъ его назначеніе?

Онъ отложилъ на время жестикуляцію и только медленно и внушительно, держа передъ ея носомъ подсвѣчникъ, повторялъ по-шведски:

— Будьте любезны дать мнѣ одну свѣчу!

Въ эту минуту проходила по коридору какая-то женщина, приостановилась, взглянула и сказала по-русски:

— Да вамъ, баринъ, вѣрно свѣчку нужно?

Это была нянька, пріѣхавшая съ русскимъ семействомъ. Ей достаточно было увидѣть разъяренную харю съ подсвѣчникомъ въ рукѣ, чтобы понять, что харя добивается свѣчки.

А горничная, посмотрѣвъ на него еще минутъ пять и подтвердивъ все, что онъ дѣлалъ, вѣжливымъ «Яга-а!», сдѣлала реверансъ и пошла спать.

* * *

Удивительнымъ, свирѣпымъ непониманіемъ отличаются наши финны.

Я видѣла, какъ одинъ почтенный дачникъ заказывалъ своему хозяину къ утру извозчика.

Онъ ржалъ, прищелкивалъ языкомъ, кричалъ и «тпру», и «ну», моталъ головой, дошелъ до того, что лягнулъ собственнаго сына, — ничто не помогло.

Хозяинъ-финнъ мрачно смотрѣлъ на это невиданное зрѣлище и только, когда дачникъ, подхлестывая себя прутикомъ, бодро заскакалъ по дорогѣ къ станціи, финнъ поманилъ къ себѣ пальцемъ свою жену, и та подошла и встала съ нимъ рядомъ, и оба молча долго смотрѣли.

А когда обезсиленный страдалецъ въ полномъ отчаяніи упалъ на крыльцо, финнъ и финка свысока кивнули ему головой и ушли, и ясно было, что всего видѣннаго они не одобрили.

Тэффи.

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА.

Смѣшонъ и жалокъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ только верхъ событій ясенъ,
Какъ будто дна событій нѣтъ...
И сколько сказокъ, сколько басенъ
Рождаетъ день, рождаетъ ночь,
Не доводя ихъ до развязокъ!
Пожалуй, я готовъ помочь
И досказать одну изъ сказокъ...

Я — старый шуллеръ. Тридцать зимъ
Ужъ протекло съ той первой ночи...
Я былъ тогда «неотразимъ».
Въ моихъ романахъ многоточій
Бывало болѣе, чѣмъ словъ.
Но денегъ не было! И въ клубъ,
Бродя однажды межъ столовъ,
Я вспомнилъ о жестокой Любѣ...
И промѣнялъ добро на зло.

Вчера нашъ городъ головою
Меня избралъ. Мнѣ повезло:
На этотъ разъ игру съ судьбою
Я велъ безъ фальши... — Только вы,
Безукоризненный и строгій,
Достойны кресла головы!...
Я не люблю гражданской тоги
И громкихъ словъ и гордыхъ позъ.
Въ моей семьѣ два славныхъ сына,
Малютка-внучекъ мой подростъ,
Моя сѣдая половина
Милѣе мнѣ всѣхъ чаръ земныхъ,
Люблю дѣтей, люблю невестку
И благъ не требую иныхъ!
Когда же клубную повѣстку

Приносить внучекъ: «Дѣда, на!» —
Я изъ нея, смѣясь беззубо,
Корабликъ строю, а жена
Готовить мнѣ сюртукъ для клуба...

Я буду честнымъ головой
(Пока идетъ благополучно
Игра...) Но, тс-с! Поднимуть вой,
А это суетно и скучно... Ал. Вознесенскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Если вы потеряли на войнѣ близкаго человѣка, — не отчаивайтесь: займитесь только... инсценировкой того, что было до войны, — и тепло вамъ будетъ на свѣтѣ.

Н. Н. Евреинновъ въ «Очарованномъ Странникѣ» подробно говорить о томъ, «какъ это дѣлается»:

Одна дама, безмѣрно любившая своего покойнаго мужа, такъ инсценировала моменты воспоминаній о немъ:

1) Вышла передъ собой старый, сохранившій всѣ характерныя выпуклости, изгибы и складки «его любимый халатъ»;

2) поставила около себя его обувь и фуражку, предварительно согрѣвъ ихъ надъ огнемъ, чтобы они дали «запахъ покойнаго»;

3) одновременно съ этимъ штопала носки своего мужа или набивала ему папиросы (утромъ распускала заштопанное, а папиросы частью вытряхивала, частью раздаривала);

4) пѣла старческимъ голосомъ, въ совершенно темной комнатѣ, неприличную французскую пьсенку, которую такъ любилъ покойный.

Всѣ эти совѣты представляютъ собою цитаты изъ второй (печагающей) части изслѣдованія Н. Н. Евреиннова «Театръ для себя».

Это театръ именно для себя. Другихъ отъ него тошнить.

Тотъ же Евреинновъ написалъ вздорную статью о театральномъ совмѣстительствѣ (критикъ, онъ же др матургъ, рецензентъ, онъ же братъ актрисы, и т. д.). Онъ перечислилъ всѣхъ и умолчалъ только о главномъ совмѣстителѣ, А. Кугелѣ, (рецензентъ, владѣлецъ театра, мужъ актрисы и издатель театрального журнала).

Такъ какъ г. Кугель «хозяинъ» Евреиннова по театру и журналу, то отнынѣ фамилія г. Евреиннова будетъ носить немнго измѣненный характеръ:

— Ливренновъ.

Рис. В. Лебедева.

УДОВЛЕТВОРЕНІЕ ТРЕБОВАНИЙ.

Въ модной мастерской:

Мастерица: — Мы требуемъ вѣжливаго обращенія на „вы“!

Хозяйка: — Ну, хорошо: подите вы къ чорту!

— Ну, вотъ это другое дѣло. Разъ на вы — мы прекращаемъ забастовку.

Д О В О Л Ъ Н Ы Й.

— А недурная у васъ квартирка, Сидоръ Карпычъ!
— Теперь я могу и получше нанять. Вѣдь намъ жалованье прибавили по пятьдесятъ процентовъ, я теперь 80 рублей получаю.

БЛИННЫЕ ИТОГИ.

Были взгляды свѣтлы и нѣжны.
 Были рѣчи восторженно пылки.
 На столѣ выросли блины.
 Со стола уносили бутылки.
 Были рады тогда и врагу.
 Приходили. Садились. И ѣли.
 Если скажетъ одинъ: не могу; —
 На него съ удивленьемъ смотрѣли.
 И когда, отойдя отъ стола,
 Предавались веселью и шуткамъ —
 Чья душонка была тяжела?
 Кто ушелъ не съ тяжелымъ желудкомъ?

* * *

Стали взгляды сурово-мрачны.
 Гости плачутъ. Хозяевамъ стыдно.
 Кто-то скажетъ со вздохомъ: блины, —
 А другой усмѣхнется обидно.
 Вдругъ протянется чья-то рука...
 Чья-то вѣра въ хозяевъ погасла...
 Кто-то скажетъ печально: мука...
 Кто-то сбоку сочувствуетъ: масло...
 И когда отойдутъ отъ стола
 И сойдутся въ кружокъ сиротливый —
 Чья теперь голова тяжела?
 Чей желудокъ не плачетъ тоскливо?..

* * *

... А въ углу кто-то шепчетъ уныло,
 Вспоминая былые года:
 — Я не помню, когда это было...
 Можетъ быть — никогда...

Арк. Б.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Пеликаны разнаго сорта.

Одесскій городской голова Пеликанъ долженъ былъ бы знать, что только тотъ трупъ не всплываетъ на поверхность воды, къ которому привязано что-нибудь, имѣющее большой вѣсъ.

Пеликанъ этого не предусмотрѣлъ.

Въ „Одесскомъ Листкѣ“ появилось письмо Велиховича, разоблачающаго дѣятельность городского головы Пеликана и закулисныя стороны городскихъ выборовъ, давшихъ „побѣду“ Пеликану. „Работая“ по вербовкѣ „голосовъ“, Пеликанъ клялся передъ иконой, что вознаграждаетъ Велиховича за „тяжелый трудъ“ и предоставитъ ему мѣсто на государственной службѣ. Поработавъ, такимъ образомъ, полгода, Пеликанъ собралъ 318 голосовъ. Владѣлецъ одного магазина, Гагнъ, далъ ему 90 голосовъ своихъ служащихъ. Используя Велиховича и занявъ постъ городского головы, Пеликанъ своей клятвы не сдержалъ. Послѣ настойчивыхъ требованій Велиховича вознаграждать его за труды, Пеликанъ далъ ему подрядъ по мощенію улицъ, но, найдя его очень выгоднымъ, потомъ отобралъ.

Обыкновенный птичій, пеликанъ, какъ гласитъ легенда, отрываетъ отъ собственной груди куски мяса и кормитъ имъ своихъ дѣтенышей.

Одесскій Пеликанъ поступаетъ наоборотъ — онъ изо рта своего птенца норовитъ вырвать кусокъ.

Ну, а пеликаненокъ тоже не дуракъ: поднялъ такой пискъ, что большому Пеликану некуда сейчасъ дѣваться отъ срама...

Восторженные натуры.

Розовощекій сантиментальный Карлъ Ивановичъ тихо радуется по всякому случаю, который кажется ему подходящимъ...

Вотъ, напримѣръ, какъ повѣствуетъ „Берлинеръ Тагет-блатъ“ о послѣднемъ визитѣ германскихъ цеппелиновъ въ Англию:

— „Наши офицеры замѣтили большую толпу женщинъ, собравшихся на площади англійскаго городка... Какъ позже выяснилось, происходилъ женскій митингъ подъ открытымъ небомъ... Наши молодцы столь ловко бросали бомбы, что онѣ рвались въ самой гущѣ кучи женщинъ, при чемъ первую же погибла главная ораторша, бомба обезглавила ее. На мѣстѣ многолюднаго митинга образовалось кровавое мѣсто изъ оторванныхъ головъ, рукъ, ногъ, вырванныхъ внутренностей и т. д.“

Послѣ войны слѣдуетъ поймать редактора восторженной газеты, посадить его въ клѣтку и показывать на народныхъ гуляньяхъ.

Дразнить палками и тыкать въ него зонтиками дозволяется.

Продавецъ гусей Кошура-Масальскій.

Неклюдовъ разсказалъ въ Государственной Думѣ былъ о борьбѣ харьковскаго вице-губернатора Кошура-Масальскаго съ дороговизной. Отъ смѣха члены Думы попадали со скамеекъ; многіе даже ушиблись.

Вотъ эта была:

Въ концѣ декабря на харьковскій базаръ навезли гусей, туши быковъ, колбасъ, сала и всякаго предпраздничнаго добра.

Узнавъ объ этомъ, въ 8 часовъ утра на базаръ ѣдетъ харьковскій горе-администраторъ и узнаетъ, что гусей продаютъ по 3 р. за штуку. Пользуясь обязательнымъ постановленіемъ о томъ, что вообще нельзя дорого продавать, онъ начинаетъ штрафовать крестьянъ и, не удовлетворившись своимъ разгромомъ, начинаетъ самъ таксировать гусей на мѣстѣ. Ловить гусей, шупаетъ ихъ и кричитъ:

— Эй, ребята! За этихъ гусей — три рубля пара, бери, кому нужно!!

Толпа накидывается, рветъ этихъ гусей, отрываетъ имъ крылья, отрываетъ ноги и ничего торговцу не платитъ.

Вся эта исторія подчеркиваетъ одно: что въ Россіи продавцомъ гусей быть гораздо труднѣе, чѣмъ вице-губернаторомъ. Вѣдь надо сознаться, что какъ продавецъ гусей — Кошура-Масальскій изъ рукъ вонъ плохъ, а вице-губернаторъ онъ сносный и терпимый, разъ его терпитъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Жаль только, что живымъ гусямъ при продажѣ отрываютъ ноги и крылья.

Гусей уважать надо.

Они, по крайней мѣрѣ, Римъ спасли, чего о Россіи и Масальскомъ-Кошурѣ сказать нельзя.

Додумался.

Одинъ петроградскій торговецъ предложилъ:

За крупное вознагражденіе тремъ дѣвицамъ изъ Теріокъ и Райвола переименовать ихъ финскія фамиліи на одноименныя извѣстнымъ голландскимъ фирмамъ фамиліи: Блоокеръ, Ванъ-Гутенъ и Бенсдорфъ.

Какъ извѣстно — это фирмы, фабрикующія какао.

Но въ воздухѣ пахнетъ не какао, а менѣе вкусно: тюрьмой.

Нація жуликовъ.

Изъ „Биржев. Вѣдом.“:

Просматривая золотую книгу, въ которую обыкновенно вносятъ свои имена почетные посѣтители Г. Думы, невольно обращаешь вниманіе на надпись, сдѣланную на одной изъ страницъ бывшимъ болгарскимъ посланникомъ въ Петроградѣ Бобчевымъ.

Въ то время, какъ всѣ почетные посѣтители вносили только свое имя, не высказывая никакихъ сентенцій, бывший болгарскій посланникъ въ Петроградѣ надъ своимъ именемъ собственноручно написалъ: „Адрианополь палъ. Не только Болгарія, но и союзники побѣдили, побѣдило славянство. Да здравствуетъ славянство во главѣ съ Святой Русью!“.

Это написалъ представитель Болгаріи въ Россіи 13-го марта 1913 года.

Одного еврея спросили:

— Вы знаете этого блондина?

— Какой онъ блондинъ, — пожалъ плечами еврей, — онъ просто жуликъ.

Точно такъ же можно сказать и о болгаряхъ:

— Какіе это славяне! Просто жулики!

„Изъ-подъ вѣнца въ кандалы“.

Полиція Лѣснаго участка обнаружила свадебное торжество, на которомъ распивалась политура съ лимонадомъ. Безобразно пьяныхъ гостей и молодыхъ пришлось отправить въ часть для вытрезвленія.

Обыкновенно принято пить на свадьбахъ и кричать „горько“...

Что кричали гости, распивая на этой свадьбѣ пикантную смѣсь политуры съ лимонадомъ — неизвѣстно.

Навѣрное:

— Карауль, отравили!

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
 пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА.

„Черевички“, опера П. И. Чайковского.

Я не знаю хозяйственной части Музыкальной драмы, но, как зритель, представляю ее себѣ такъ: шли два человѣка по улицѣ, нашли миллионъ.

— Давай, — говоритъ одинъ, — на эти деньги музыкальную драму устроимъ.

— Давай.

— Пиши смѣту: декорации — триста тысячъ. Есть?

— Есть. Оркестръ, я думаю, еще нуженъ.

— Пиши — триста тысячъ оркестръ.

— Написано.

— Костюмы триста тысячъ.

— Готово.

— Переводчикамъ за то, чтобы они всѣ оперы заново на русский языкъ перевели — сто тысячъ.

— Это идея. А если опера русская?

— Все равно, пусть переводятъ. Ну, теперь, кажется, все?

— Все.

— Сколько вышло?

— Ровно миллионъ.

— Чудесно.

Пошли дальше. На полдорогѣ остановились:

— Ахъ, чертъ возьми! Объ одной детали мы и забыли...

— Именно?

— Пѣвцы! Вѣдь нужно же, чтобы кто-нибудь пѣлъ. Надо и ихъ всунуть въ смѣту.

— Ну, это вопросъ второстепенный. Отъ декораций ничего отнять нельзя?

— Что вы! Пожалуй, еще и не хватить.

— Отъ костюмовъ нельзя оторвать?

— Это изъ трехсотъ-то тысячъ? Что жъ голыми по сценѣ ходить, что ли?

— Вѣрно. Неудобно. Давайте у переводчиковъ изъ ста тысячъ тысячъ... пять что ли утянемъ.

— Идея! Предостаточно.

И пригласили на утянутое отъ переводчиковъ сто пѣвцовъ.

Такъ это было или не такъ, я не знаю, но дѣло въ томъ, что, когда слушаешь пѣвцовъ Музыкальной драмы въ рамкѣ изъ великолѣпныхъ декораций и костюмовъ, поневолѣ думаешь:

— Когда скрипка Страдивариуса лежитъ въ ящикѣ изъ-подъ казанскаго мыла — это ничего. Но когда казанское мыло кладутъ въ сафьяновый, выложенный внутри бархатомъ футляръ — это обидно.

Въ Музыкальной драмѣ есть хороший ансамбль, но нѣтъ отдѣльныхъ приковывающихъ вниманіе пѣвцовъ, нарядный небосклонъ этого театра усыпанъ сотней звѣздъ, но ни одна звѣзда не горитъ особенно ярко.

Поютъ и играютъ въ этомъ театрѣ прилично, но приличіе — двоюродная сестра равнодушія и скуки.

Это единственный театръ, гдѣ декорациямъ аплодируютъ больше, чѣмъ пѣвцамъ, пьесу называютъ „постановкой“, а артистовъ, даже имѣя программу въ рукахъ, различаютъ такъ:

— Мнѣ этотъ черненькій, что руками разводитъ, очень нравится. А тебѣ?

— Мнѣ больше нравится та высокая блондинка. Съ голоскомъ, кажется.

И не ударить по сердцу ни одно имя.

Это — удивительное оперное предпріятіе, которое бьетъ только по глазамъ.

Ухо, за рѣдкими исключеніями, можетъ спокойно спать въ этомъ театрѣ.

А жаль. Лапицкій талантливый, энергичный человѣкъ, но онъ занимаетъ ампулу повара, у котораго есть подъ рукой всяческіе изысканные продукты, кромѣ соли: и подано красиво и пахнетъ заманчиво, а лизнешъ языкомъ — прѣсно.

* * *

Постановка „Черевичекъ“ очень напоминаетъ сочиненіе юмористическаго разсказа по учебнику теоріи словесности: кажется все есть, что требуется правилами, а не смѣшно.

Когда пишущій эти строки добросовѣстно самъ съ собою разбиралъ игру артистовъ — онъ не могъ найти ни одного дефекта: все на мѣстѣ, все какъ надо.

А не смѣшно.

А вѣдь это Гоголь.

А вѣдь у Гоголя эта вещь наиболѣе насыщена свѣтлымъ смѣхомъ и весельемъ.

Можетъ быть, такъ ужъ выходитъ, что артисты при строгомъ г. Лапицкомъ боятся быть веселыми. При гувернанткѣ, которая учитъ хорошимъ манерамъ, какое ужъ веселье...

И ходятъ они всѣ чистенькіе, прилаженные, благонравные и дѣлаютъ веселое лицо, а про себя думаютъ:

— Выкинуть бы колѣнце, да влетитъ мнѣ по первое число...

И точно: за спиной раздается строгій голосъ:

— Дѣти, дѣти! Фу! Какъ можно такъ школьничать?! Вакула!

Бери примѣръ съ Евгенія Онѣгина — онъ не танцуетъ гопака и не ѣстъ колбасу руками... Оксана! На что это похоже! Посмотри на Аиду — вотъ это дѣвушка. Скромная, благородная. А тебѣ, Солоха, ты уже женщина не молодая, не мѣшало бы поучиться у графини — вотъ это манеры! Къ ней молодой человѣкъ Германъ забрался въ комнату, а она и духъ испустила отъ стыда. Не прятала же она его головой внизъ въ мѣшокъ! Веди себя благонравнѣе, Солоха.

И точно: все было прилично, чистенько, но скучновато.

Вакула былъ такой хорошенькій, чистенькій, съ великосвѣтскими манерами, съ очень недурнымъ голосомъ. Загримировался же онъ почему-то Гоголемъ.

— Почему вы это такъ, — спросили его.

— Да вѣдь „Ночь-то подъ Рождество“ — Гоголя?

— Но музыку написалъ вѣдь Чайковский.

— Хорошо. Слѣдующій разъ загримируюсь Чайковскимъ.

— А либретто Модеста Чайковского.

— Загримируюсь Модестомъ

— А ставилъ оперу Лапицкій!

— Загримируюсь Лапицкимъ!

— А декорации Гранди! А дирижируетъ Маргулянь! А буфетчикъ у васъ Иванъ Назарычъ.

И заплакалъ бѣдный замысловатый Вакула:

— Спектаклей у насъ не хватить, чтобы всѣми загримироваться.

Если же гоголевскій гримъ выдумалъ не артистъ, а режиссеръ, то ему тоже стыдно останавливаться на полдорогѣ. Могъ же онъ диканскаго голову загримировать бывшимъ петроградскимъ головой графомъ И. Толстымъ, а дьяка — Григоріемъ Распутинымъ.

Впрочемъ, Вакула за то, что загримировался Гоголемъ и игралъ невесело, получилъ свое: въ послѣднемъ дѣйствіи казакъ Чубъ ударилъ его нѣсколько разъ по спинѣ нагайкой:

— Не гримируйся, моль, Гоголемъ безъ толку!

* * *

Пришлось мнѣ видѣть тѣ же „Черевички“ и въ Народномъ домѣ. И странная вещь: при самой ужасной обстановкѣ, при кое-какъ на-малеванныхъ декорацияхъ, при хорѣ дикомъ и колченогомъ, одѣтомъ въ какіе-то пестрые пыльные лохмотья — при всемъ томъ на сценѣ чувствовался настоящій прекрасный Гоголь, было по-настоящему весело и свѣтло.

Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, можетъ быть, что артисты играли, какъ Богъ на душу положитъ, играли, какъ птицы поютъ, а на хорѣ, на пыль и рвань никто изъ зрителей и вниманія не обращалъ.

И Вакула былъ настоящимъ Вакулой, плотнымъ дикимъ кузнецомъ безъ пудры и румянъ (пѣлъ Грыценко) и запорожцы на приемѣ во дворцѣ танцовали такъ зажигательно и буйно, что зрители еле удерживались, чтобы не послѣдовать ихъ примѣру. И Вакула подтанцовывалъ, и это было трогательно и естественно.

И вотъ, значитъ, такъ оно и выходитъ: среди рвани и мерзости запустѣнія Народнаго дома — Гоголь незримо присутствовалъ, а въ Музыкальной драмѣ Гоголя не было. То есть, былъ одинъ человѣкъ, очень мило загримированный Гоголемъ, но это не Гоголь. Это — пѣвецъ, исполнявшій партію Вакулы. Не помню его фамиліи, потому что я большой поклонникъ моды, а нынче модно не помнить фамилій тѣхъ лицъ, которыя тонуть въ ансамблѣ, какъ муха, въ варенѣ.

М. Васильевъ.

ТАЙНА ДАМЫ.

Быль убогъ легендами увитый
 Юноша влюбленный и простой —
 Командиръ весь день ворчалъ сердито,
 Все смущень упавшею слезой.
 А когда любовно обмывали
 Тѣло, полное еще недавно силъ,
 Медальонъ съ прозрачной шеи сняли...
 Кто-то крышку бережно открылъ...
 И, прелестный въ дѣвственной печали,
 Выпаль локонъ шелковыхъ волосъ.
 А кривыя буквы замерцали
 На бумажкѣ, смятой въ рядъ полосъ.
 — «Я люблю»... — неровно, торопливо
 Кто-то бросилъ эти лепестки
 И, потомъ растерянно-стыдливо,
 Ждалъ отвѣта дрогнувшей руки.
 Ждалъ и грезилъ о волшебномъ тронѣ, —
 Или въ часъ, когда померкъ вдругъ взглядъ
 И ложились тѣни на перронѣ
 Отъ вагоновъ, ставшихъ въ длинный рядъ.
 То въ окно, тая съ трудомъ рыданья,
 Бросила записку и ушла,
 Все стыдась открытаго признанья,
 Что душа такъ долго берегла...
 Знали всѣ, герой на подвигъ страдный
 Шель всегда видѣнъемъ вдохновленъ,
 Но осталась тайна не отгаданной,
 И — къ груди не грѣющей и холодной
 Вновь прильнулъ закрытый медальонъ...
 Неизвѣстно было имя дамы —
 Кто она — пастушка?... Фея скаль?..
 «Онъ» въ любви таинственно-упрямый
 Образъ дамы трепетно скрывалъ...
 Для кого же тяжела утрата?..
 Кто она, чей взоръ ему свѣтилъ,
 Въ чью любовь герой такъ вѣрилъ свято?
 Имя чье такъ бережно хранилъ?..
 Правды знать чужимъ совсѣмъ не надо...
 Локонъ онъ своей сестренки взялъ,
 А записку — просто разъ поднялъ
 На балу, во время маскарада!..

Изгнанникъ.

РУССКІЙ КАРНАВАЛЬ.

(Страничка исторіи.)

...Сближеніе съ Западомъ стало настолько тѣснымъ, что мы понемногу переняли даже всѣ европейскіе обычаи и празднества, и въ 1947 году въ первый разъ, приказомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, празднованіе масленицы было замѣнено европейскими карнавалами. Дежурнымъ околоточнымъ надзирателямъ было предписано слѣдить за тѣмъ, чтобы празднично-настроенные обыватели высыпали на улицы и съ промккими шутками кидали другъ въ друга конфетти и цвѣтами. Современники рассказываютъ объ этомъ первомъ русскомъ карнавалѣ...

— Изъ семнадцатаго номера высыпали?

— Высыпали, господинъ околоточный. Сначала кухарка высыпала, потомъ жилецъ.

— А сами-то? Квартиронаниматель.

— Откупились. Самъ-отъ баринъ хворый. Я, говоритъ, всего карнавала не выдержу. На дворѣ, говоритъ, снѣгъ, а я съ радостнымъ лицомъ по улицѣ бѣгаю...

— Ну, а ты что? Усовѣщеваль?

— Пригрозилъ. Протоколь, говорю, составлю. А онъ свое — на судъ оправдаютъ, говоритъ. У меня, говоритъ, одна нога, коро-

че другой, я не могу съ цвѣтами бѣгать. Кину, чѣмъ Богъ послалъ, изъ окошка и будетъ...

— Другихъ жильцовъ гони... Приказано, чтобы веселѣе было... Ты у меня за каждую печальную рожу отвѣтишь...

* * *

— Городовой... Почему же вы стоите! Это же безобразіе...

— Цвѣтошный бой, сударыня...

— Да, но это гадость... Они не имѣютъ права... Вотъ на томъ углу мальчишку цвѣточнымъ горшкомъ забили... Семь лѣтъ мальчишкѣ, мать убивается, а ихъ двое...

— Въ чемъ дѣло? Разрѣшите узнать... Не толкайтесь, я вамъ не... Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, господинъ съ бородой... Сейчасъ задержутъ... Лови его, лови... Эхъ, хоть бы кто поперекъ тротуара легъ, онъ бы и скovyрнулся...

— Студентъ какой-то... Третьекурсникъ, говорятъ... Схватилъ кусокъ пальмы искусственной и за собаками гоняется... гоняется... Грубиянъ...

— Молодежь понимать надо... Сами молодые были...

— При насъ этихъ цвѣточныхъ боевъ не устраивали... И жили... Не хуже теперешнихъ жили...

— А прямо въ участокъ отводить надо... Двадцать градусовъ морозу, а они съ цвѣтами на улицу лѣзутъ. Схватилъ цвѣтокъ и сиди дома...

— Можетъ, она, роза-то самая, шесть гривенъ стоитъ, а онъ ею норовитъ даму по спинѣ ударить...

— Дармоѣды... Давайте, братцы, встанемъ здѣсь на уголку да подловимъ, которые съ цвѣтами... Пусть не безобразятъ...

— А я сбоку налетать буду...

— Виноватъ, господа... Здѣсь же идетъ бой цвѣтовъ... Ну да, фіалки... Несу съ собой... Вы не имѣете права... Позвольте, отдайте мой рукавъ... Я буду жаловаться... Вы можете брать деньги, но... Ну, вотъ такъ и зналъ... Теперь покупай новый котелокъ...

* * *

— Извозчикъ, сворачивай налѣво... Тамъ какіе-то люди въ маскахъ ходятъ...

— Можетъ, какіе ненормальные, сумасшедчіе, барыня... Не тронуть... Н-но...

— Нѣтъ, ты долженъ свернуть... Они, кажется, тамъ, у костра, танцуютъ...

— Танцующій человекъ не опасный...

— Ну да... Сначала они шубу сдерутъ, а потомъ узнаешь, почему они въ маскахъ... Третьяго дня въ газетахъ было, что какую-то винную лавку ограбили... Тоже, навѣрное, въ маскахъ были. Они всегда такъ... Полицейскій, въ чемъ дѣло?

— По случаю карнавала, мадамъ. Разрѣшено въ маскахъ... Одного поймали... Бился долго... А потомъ ничего, стихъ...

— Сенька! И ты здѣсь... Изъ нашего класса трое... Симакинъ, Горбухинъ и я... Пойдемъ вмѣстѣ, кидаться будемъ...

— А у меня во всѣхъ карманахъ конфетти... У брата сперъ и самъ прикупилъ...

— А мы здѣсь одного господина закидали... Я подбѣжалъ къ нему да какъ крикну... Онъ испугался и бѣжать, а Симакинъ подножку устроилъ... Упалъ. Кричитъ, а мы въ него... А мы въ него... Полонъ ротъ ему конфеттами набили... Симакинъ какъ-то въ ухо угодилъ насыпать... Дворники прибѣжали выручать, а то бы мы...

* * *

— Ефимычъ... Голубчикъ... Запирай лавку... Тамъ карнавальная процессія идетъ... Защелкивай ставни... Конецъ намъ, Ефимычъ... Все стекла выщелкаютъ...

— Можетъ, пронесетъ бѣду, не тронуть...

— Они, говорятъ, по кварти-

рамъ ходить будутъ... Учащихъ бьютъ... У кого пальто со свѣтлой пуговицей — каюкъ тому...

— И кто это придумалъ...

— Масленица... Вотъ они и расходились... Потому торжество... И чтобы лицо было веселое... А если у меня сынишку помяли, нога, какъ на ниточкѣ, — такъ я тоже долженъ быть веселый...

— У кого на ниточкѣ, голубчикъ?

— Въ чемъ дѣло?

— На ниточкѣ, господинъ. Должно быть, баба.

— Бабу нельзя обижать. Баба — дѣло женское. Ее ни бить, ни толкать...

— Гдѣ бабу раздавили?

— Эти и раздавили... Карнавалыцы. Сапожникъ Ниточкинъ сказывалъ.

— А сапожникъ-то цѣль?

— Гдѣ тутъ уцѣлѣешь, когда они на улицахъ безобразятъ... Въ маскахъ по холоду бѣгаютъ, въ колпакахъ...

— Собирайся, братцы... Постоимъ за свою улицу... Какъ придуть, такъ камнями и встрѣтимъ... Виданое ли дѣло, бабу сапожникомъ въ колпакѣ одѣвать... Охальники...

— Становись... Столбъ бы свалить поперекъ... Не вывернешь его, врось, проклятуцій...

— А, ну-ка, робя, попринавались... Шатается... Вали его на землю? Придавило? Кошку? А они бабу, бабу... Вретъ вашъ сапожникъ... Идутъ, братцы... Камнемъ ихъ встрѣчай...

* * *

— Не отворяй, Агаша... Не смѣй отворять... Что вамъ надо?...

— Отворяйте, черти...

— Вы не имѣете права...

— Двери выломаемъ... Э-кх... К-р... Ухк... Ага... Теперь только одна половинка на петлѣ держится... Вы что здѣсь дѣлаете?...

— Да мы ничего... Такъ, своей семьей...

— А что это прячешь? А дай-ка сюда... Давай, давай, пока голову не отвертѣли... Икра?? А зачѣмъ у васъ икра?

— Такъ, ребяташки баловались...

— А семгой они тоже баловались? А сметана зачѣмъ? А изъ кухни чадъ зачѣмъ? И чадомъ ребяташки баловались? Ты на колѣни не брякайся... Ты прямо отвѣчай... Блины ѣль?

— Простите, православные...

— Карнавалить это мы, а ты блины разѣдать будешь...

— Тетка старая въ домѣ живетъ, такъ она и подговорила...

— Мы на холоду, цвѣтами бросаемся, въ маскахъ пляшемъ, а онъ изъ бѣлой муки блины лопать...

— Изъ гречневой, православные... Съ семужкой...

— Врешь, собака. Изъ гречневой съ масломъ ѣдятъ.

— Первая пара со сметаной, православные... Это вторая съ семужкой... А тутъ рябиновой рюмочку...

— У тебя и рябиновая есть?

— А къ кофе кремъ-де-ваниль, православные...

— А еще на четверыхъ хватить?...

— На восемь готовили, православные...

— Угости ужъ... Шестъ часовъ прокарнавалили... Уши поотмерзли, руки какъ деревяшки, а вечеромъ еще шествіе съ цвѣтами...

... Первой запротестовала противъ карнаваловъ мѣстная ремесленная управа, въ помѣщеніи которой санитары устроили пріемный покой для пострадавшихъ во время боя цвѣтовъ. Вскорѣ къ ней присоединились нѣсколько частныхъ банковъ и двѣ мужскихъ гимназій; ихъ директора подали заявленіе, что служащіе и воспитанники болѣе четырехъ дней не являлись на очередныя занятія, а приходившіе были въ маскахъ и требовали впередъ жалованье, прозя, что устроить карнавалъ на третьей недѣлѣ поста и избобьютъ должностныхъ лицъ. Вскорѣ было вывѣшено на углахъ людныхъ улицъ официальное увѣдомленіе, что старый способъ празднованія масленицы не только разрѣшенъ впредь на неопредѣленное время, но даже рекомендуется какъ для лицъ податного сословія, такъ и для состоящихъ на государственной службѣ...

Арк. Буховъ.

О ГОЛОМЪ КОРОЛѢ, КОММЕРЦІИ И ВАГОНАХЪ.

Диалогъ.

Они сидѣли въ кафэ и оживленно бесѣдовали.

Дипломатъ смаковалъ сигару; дѣлецъ нервно посасывалъ папиросу.

Дипломатъ рассказывалъ старую андерсеновскую сказку о королѣ, который ходилъ голымъ; подданные долгое время не замѣчали этого страннаго обстоятельства, пока, наконецъ, одинъ злой венгерецъ не открылъ всѣмъ глаза.

— Ну, такъ что же тутъ особеннаго! Бѣдный человѣкъ, не можетъ себѣ дѣлать визитки, климатъ хорошій, — такъ онъ ходитъ себѣ голымъ. А вы придираетесь...

— Да, — мягко сказалъ дипломатъ, стряхивая пепель, — но, собственно говоря, этотъ сказочный король нарушилъ тѣ правовыя нормы, которыя были установлены единогласно...

— Что значить нормы? Когда у человѣка есть деньги, такъ онъ можетъ имѣть не только нормы, а самый настоящій автомобиль. Но, что вы хотите отъ бѣднаго короля! Вотъ вы шьете пиджакъ въ разсрочку у хорошаго портного, а бѣдный старый человѣкъ одѣвался изъ экономіи во все голое, — такъ вамъ это не нравится.

— Но видите ли, рѣчь идетъ о какихъ-то крупныхъ суммахъ...

— Слушайте, вы можете спросить всякаго еврея — какой приставъ лучше: который беретъ, или который не беретъ? И я вамъ скажу — гораздо лучше тотъ, который беретъ.

— Но вѣдь лицо, о которомъ мы говоримъ, занимало исключительно важный постъ, отвѣтственный не только передъ людьми, но и передъ...

— Вы смѣшите мнѣ мою лысину. Понимаете: старый человѣкъ, у него жена, у него дѣти; дѣти любятъ играть въ карты, любятъ хорошо поужинать, да мало ли еще что любить дѣти? Такъ скажите же, нужны ему деньги? Нужны или нѣтъ? Я васъ спрашиваю.

— Да, нужны...

— Человѣкъ себѣ отказывалъ во всемъ. Домъ у него былъ, такъ что это за домъ! Ну, два этажа. Такъ въ этихъ двухъ этажахъ жилъ онъ, и вся его семья, и всѣ министры, и всѣ генералы, и даже всѣ полковники... А васъ, можетъ быть, интересуетъ его столъ? Да, это былъ трэфной столъ; но каждый день кушать баранину, которую подносятъ подданные, — ей Богу отъ такого питанія можно заболѣть цынгой или дифтеритомъ... Развлеченія? Театровъ нѣтъ, биллиарда нѣтъ, развѣ только какой-нибудь паршивый кинематографъ. А вы думаете такъ пріятно ходить по контрамаркѣ, или два дня ухаживать за билетершей ради «Тещи въ бѣгахъ»?

— Вы преувеличиваете.

— Я преувеличиваю? А!... Одинъ разъ его сынъ поѣхалъ по бесплатному билету въ Монте-Карло, ему это ничего не стоило — у него былъ знакомый кондукторъ на желѣзной дорогѣ; тамъ онъ немножко выигралъ. Вамъ уже завидно? Но если бы меня сдѣлали королемъ, и я долженъ былъ бы жить съ того, что мой сынъ каждый день играетъ въ макао, то знаете, что я бы сдѣлалъ?

— Что?

— Я бы не былъ королемъ.

— Вы подходите къ этому вопросу слишкомъ по-обывательски...

— Что? Бѣдный старый человѣкъ. Сынъ — картежникъ, столоваться онъ долженъ отъ подаренной баранины, въ кинематографѣ долженъ сидѣть черезъ билетершу, денегъ нѣтъ, для экономіи ходитъ въ костюмѣ, какъ говорятъ въ одномъ «ню-ню», и вотъ случается хорошее дѣло...

— Какое дѣло?

— Онъ сидитъ въ кафэ, приходитъ генералъ и спрашиваетъ: «У васъ есть солдаты?» Онъ отвѣчаетъ: «Есть». «Такъ сколько вы хотите франко-Вѣна, вагоны мои?...» Ну, скажите мнѣ, если вамъ нужны деньги, если у васъ есть товаръ, если вамъ дадутъ за товаръ хорошую цѣну, если вашъ покупатель уже имѣетъ вагоны, понимаете вагоны, — такъ если вы не сумасшедшій, вы не подпишете куртажную расписку?

— Но позвольте...

— Что позвольте! Деньги предлагали? Предлагали. Вагоны дали? Дали. Такъ этотъ бѣдный человѣкъ въ голомъ костюмѣ могъ отказаться? Ахъ, господинъ дипломатъ, вы ничего не понимаете въ коммерціи...

Дипломатъ молчалъ. Онъ ничего не понималъ въ коммерціи.

Бор. Мирскій.

КОМЕДИАНТКА.

Скучающей толпы дешевая приманка,
 Небесь раскрашенных вечерняя звезда,
 Скажи ты мнѣ, скажи комедиантка,
 Отъ бутафорскихъ стрѣль осталась въ сердцѣ ранка,
 Иль даже нѣтъ слѣда?
 Вѣдь не бѣда, что роль твоя пошла, глупа,
 Довольна ты всегда своей судьбою,
 Пусть будетъ лишь любовникъ твой съ тобою, —
 Вечерняя толпа.
 А съ тѣмъ, кто отъ любви безсильной изнемогъ,
 Кто ждетъ тебя въ нетопленной уборной,
 Ты будешь продолжать съ улыбкою притворной
 На сценѣ начатый любовный діалогъ.
 На лицѣ его чуть освѣщенномъ газомъ
 Ты оставляешь слѣдъ и краски и бѣлиль,
 Но мысль твоя не съ нимъ, — какимъ отдаться фразамъ,

Чтобы зажечь галерку вновь экстазомъ,
 Чтобы партѣрь ко мнѣ опять благоволилъ.
 — Идешь?! — Пора, прощай. — И снова врагъ стоекій
 Любовникъ твой—толпа—твой каждый ловить жестъ.
 Вотъ слышишь ты, что гдѣ-то съ верхнихъ мѣстъ
 Аплодисментъ раздался одинокій.
 О, руки милья! Пусть эти руки крали.
 О, что до этого! Вѣдь поощренье ихъ
 Заставило сказать съ подъемомъ стихъ,
 Послѣдній стихъ фальшивой пасторали!

И шепчетъ онъ развязывая ленты
 — Теперь ты вновь моя, пойдѣмъ, пойдѣмъ домой! —
 — Нѣтъ, погоди. Опять аплодисменты.
 Я счастлива! Любовникъ мой со мной!

А. Радаковъ.

Рис. Б. Григорьева.

НЕБО И ЗЕМЛЯ.

Она: — Въ любви лучше всего начало и конецъ.

Она: — А мнѣ больше всего нравится середина. Если она — золотая.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почте, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Молчи-ну. — Изъ стихотворенія въ 80 строкъ цитируемъ двѣ строки:

... И спотыкаясь объ ухабы

Я думаю: эхъ дома бы, теперь уха бы
О некрасивой безобразной дѣвушкѣ принято говорить: у нея глаза хорошіе.

Риема эта у васъ красивая.

Косой-Сажени. — Не совсѣмъ ясный вопросъ задаетъ Косая Сажень:

„Сколько будетъ стоить, если у васъ печататься?“
Рубль строка непарели позади текста.

Б. Провинція.

Омскъ — Б. К. С. — Означенный писатель острить. Представляемъ его остроу на судъ читателя; пусть читатель, живущій въ Омскѣ, самъ пойдетъ къ Б. К. С. и лично выскажетъ ему свое мнѣніе:

„Не понялъ.“

— У меня на рукахъ были черви, а у моего товарища пики.

— Вы въ карты играли?

— Нѣтъ, я ловилъ рыбу на червей, мой товарищъ на войну ѣхалъ“.

Отъ редакціи: Господинъ Б. К. С.! Лѣтъ черезъ тридцать, когда вамъ уже будетъ лѣтъ тридцать пять — вы поймете, какъ вы острили въ 1916 году!..

Таганрогъ — К. Обличеву. — Стихи Обличеева:

О тевтоны, о тевтоны,

Вы, поправши всѣ законы

И сравнивши все съ землей —

Что вы сдѣлали со мной?

Дѣйствительно, возмутительный поступокъ — научили простаго русскаго челоука писать плохіе стихи.

Ст. Гришино. — Д-ю — Пл. — „Посылаю редакціи стихи о выступленіи Болгаріи, изложенные бѣлыми стихами“.

Не принято. Стихи, къ сожалѣнію, не достаточно бѣлы.

Намъ нужны самые бѣлые, хорошіе.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ

4-й годъ
изданія

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 номера богато иллюстрированнаго красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата.

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ **3**
БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ:

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедекой шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателейъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрываютъ лучшіе куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ вате, кушайте!

Расширеніе умственнаго и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

8 картинъ въпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значитъ нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ.

Альбомъ шаржей Работа известнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или неизвестныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случ. йно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его известнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибободовъ (слова Фамусова)

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	12 р. — к.
„ 1/2 г.	4 „ — „	„ 1/2 г.	6 „ — „
„ 3 мѣс.	2 „ — „	„ 3 мѣс.	3 „ — „
„ 1 мѣс.	70 „	„ 1 мѣс.	1 „ — „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ. 80 КОП.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентябрю — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣс. каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 20 коп.

Адресъ ред. и конт.: Петроградъ, Невскій, 88, Тел. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 11 час.

(Напечат. въ Правит. Вѣстн. 1915 г. № 226)

ФИРМА
ОСНОВАНА ВЪ 1903,
удостоена ВЪСѢИХЪ наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londres, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр. Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУ-
ПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

новая книга:

„ТЕПЛАЯ КОМПАНІЯ“.

СЪ КѢМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.

Текстъ: — Арх. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.

О МАЛЕНЬКИХЪ--ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

волчьи ямы.

Цѣна 60 коп.

Аркадій Буховъ.

ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Гэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

Человѣкъ „Рыба-Ерихонская труба“, — исполнить членъ Государственной Думы г. Чхейдзе. Съ замазаннымъ икрой ртомъ ухитрится произнести рѣчь, которую услышитъ вся Россія.

„Новый Вильгельмъ Тель“, — исполнить А. Суворинъ.

Номеръ „Тубо“, — исполнить дрессированный пудель Мусинъ-Пушкинъ. Представить, какъ текутъ слюнки у держащаго на носу сахаръ.

„Человѣкъ-змѣя“, — исполнить Офросимовъ. Онъ будетъ вылѣзаетъ изъ своей собственной кожи при помощи карающей руки Фемиды.